

Марлен Дитрих

Мария Рива — дочь актрисы

МАРЛЕН ДИТРИХ: ЛЕГЕНДА И РЕАЛЬНОСТЬ

Две книги о женщине-вамп

Мега-бисексуалка 1945-1995. 15 апр. - с.7.

Владимир Нестьев

Другие берега

«О БО МНЕ написано 55 книг», — крикнула Марлен Дитрих Максимилиану Шеллу в его документальном фильме 1984 г. В фильме актриса много говорила, но так и не появилась на экране, тщательно оберегая свою легенду.

После смерти 90-летней затворницы летом 1992 г. появились еще две книги. Одна из них — «Марлен Дитрих: жизнь и легенда» — написана Стивеном Бахом, учившимся некогда у знаменитого кинорежиссера Жозефа фон Штернберга. В ней особенно подробно освещен берлинский период жизни и творчества Дитрих до первой значительной роли в кино — в фильме Штернберга «Голубой ангел» (1930) — и создания образа неотразимой женщины-вамп.

До знакомства с фон Штернбергом она пела и танцевала в кабаре, сыграла много второстепенных ролей в немых фильмах. Она была неразборчива в сексуальной жизни и амбициозна в профессиональной.

Бах изображает ту настойчивость, с какой Дитрих создавала свой имидж и поддерживала его. Причем делала это так изысканно и легко, что никому и в голову не приходило, каких усилий это требовало.

Впоследствии Дитрих уже не захотела изменить этот образ роковой женщины и в конце концов стала его жертвой. Она настолько срослась с ним, что от нее самой мало что осталось.

Вторая книга — 789-страничные мемуары — принадлежит перу единственной дочери Дитрих — Марии Ривы и посвящена прежде всего личной жизни актрисы. Здесь Рива обладает неоспоримым преимуществом перед любым биографом благодаря тому, что, умирая, Марлен оставила ей всю свою огромную переписку и дневник, который вела с юных лет до старости.

Книга Ривы претендует на объективность, но вот насколько она точна? Сама Дитрих обещала: «Никто никогда не будет допущен в мир моей личной жизни». «Мне 68 лет, и я долго жила с матерью», — говорит Мария Рива. — «Чтобы быть рядом с такой почти обожественной женщиной, ее надо очень хорошо знать».

Рива полагает, что жизнь ее матери была трагична. «В ней было столько немецкого в том смысле, что немцы — и особенно пруссаки — считают должным во что бы то ни стало добиться положения, которого заслуживают, и никогда не жалуются... В 40-е годы она постоянно работала над поддержанием своей легендарности».

Перед автором книги стояла трудная задача — отделить миф от

реальности. «Марлен обладала способностью мгновенно терять память. Она творила собственный мир, и все помогали ей в этом, принимая ее слова за истинную правду, даже когда это была очевидная ложь».

В книгах Баха и Ривы есть немало разночтений. Одно из них касается сестры Дитрих — Элизабет. Рива пишет, что во время войны Дитрих, зная, что ее сестра мирно живет у себя дома, часто трагически восклицала, что та «находится в Бельзене», прекрасно понимая, что слушатели подумают, будто она узница концлагеря.

Согласно версии Баха, документально подтвержденной беседами с британским офицером, встречавшимся с Дитрих в лагере Берген-Бельзен, она каким-то чудом пробралась туда вскоре после его освобождения. И только тогда узнала от англичан, что сестра и ее муж работали на нацистов. В этом, замечает Бах, причина того, что с тех пор Дитрих публично отрицала существование своей сестры.

Вообще Рива старается не сводить счетов с матерью, хотя книга и полна горечи. Рива рассказывает о том, как в пятнадцать лет была изнасилована в собственной квартире нянькой-лесбиянкой при попустительстве — если не с согласия — матери. Чудовищный эгоизм Дитрих доходил до того, что она хотела, чтобы дочь стала лесбиянкой, никогда не имела детей и всегда оставалась с нею.

Дитрих отличала также невероятная черствость по отношению к бывшим друзьям и любовникам. Рива приводит записку от матери после ее разрыва с Юлом Бриннером: «У него рак! Так ему и надо!» Когда у Джона Гилберта был сердечный приступ, Дитрих спокойно расхаживала по его квартире, удаляя свидетельства своего присутствия.

Как ни парадоксально, утверждает Рива, ее мать испытывала отвращение к сексу, но не раз говорила ей: «Приходится ложиться с ними в постель, потому что иначе они бросят тебя». И их было много — Бах и Рива пишут об интимных отношениях Марлен с фон Штернбергом, Морисом Шевалье, Джоном Гилбертом, Дугласом Фэрбенксом, Эдит Пиаф, Эрихом Мариа Ремарком, Жаном Габеном, Керком Дугласом, Юлом Бриннером и Фрэнком Синатрой... Она вышла замуж за Рудольфа Зибера и стала матерью еще до «Голубого ангела» и никогда не разводилась, отгородившись браком от назойливых поклонников. До конца жизни между супругами сохранялись доверительные отношения. Дитрих даже передавала мужу всю свою любовную переписку, и он хранил ее.

Дневник Дитрих полон банальностей. В период бурного романа с Бриннером (ей было под 50, ему — около 30) страницы пестрят восклицаниями типа: «Он не позвонил» или «Похоже, я потеряла

«Его» навсегда. Нет смысла жить». Неудивительно, что в своей весьма неправдоподобной автобиографии «Марлен» Дитрих вообще отрицала, что вела дневник.

По словам Ривы, в старости ее мать использовала дневник, чтобы создать образ несчастной, покинутой женщины. Она пристрастилась к таблеткам и алкоголю и, после того как в 1979 г. упала и сломала шейку бедра, «улеглась в постель в своей парижской квартире до конца жизни». Готовила она себе на плитке, стоявшей у кровати, лимонский кувшин служил ей ночным горшком. Утратив красоту, она никого не принимала, но часами говорила по телефону.

Только раз Рива сравнивает себя с Кристиной Кроуфорд, расставшейся со своей матерью Джоан в книге «Мамочка дорогая». «Там есть одна сцена, когда Джоан бьет свою дочь плечиками. В комнате присутствует работница социальной службы, но она не вмешивается, потому что это Джоан Кроуфорд. Такая сцена мне знакома. В какой-то момент понимаешь, что ты абсолютно беззащитна перед властью славы. Хочешь крикнуть, что она не Бог, но кричишь в пустоту. Никто не желает ничего слышать».

Но даже будь Дитрих святой, жить с нею было очень трудно. В неполные 60 лет она выглядела красивее, чем ее дочь когда бы то ни было. Когда 22-летняя Рива деботировала на Бродвее, она с гордостью позировала вместе с матерью перед фотографом. Подпись под напечатанным снимком гласила: «Та, что справа, — мать».

Отношения дочери и матери не отличались теплотой. «Я уважала Дитрих как профессионала, но не как человека. Я никогда не любила мою мать. Я очень жалела ее и сочувствовала ей, но вы не любите королей, вы служите им».

Несмотря на тяжелое детство, «раны» дочери зарубцевались. Ее жизнь развивалась совсем в другом направлении, чем жизнь матери. Она в счастливом браке уже 45 лет, у нее четверо детей, и она много времени уделяет уходу за онкологическими больными. Она признает, что унаследовала от матери ее дисциплинированность. «Моя мать никогда не была ни блестящей актрисой, ни звездой кабаре, но она обладала безумным магнетизмом, и ее дисциплина позволяла ей быть невероятной машиной. Она делала вещи, недоступные ее, но когда умирала, знала, что выполнила свой долг».

Величайшую заслугу Дитрих Рива видит в том, что та показала женщинам, что они тоже могут носить брюки, зарабатывать деньги и жить своей жизнью...

У прочитавших книги Баха и Ривы подряд голова идет кругом. Но это, вероятно, именно то, чего хотела бы сама Дитрих.